

Начало Калининского

Строительство Калининского проспекта шло долго и вызывало слишком много споров. Вот начальство — уж непонятно, на каком уровне, но, видимо, на очень высоком — решило всеми силами поддержать идею. Выходили передачи по телевидению, в которых важные дяди рассказывали, что новый проспект с небоскребами — уникальный и таких в мире нет, строители и инженеры гордились особо прочными стальными каркасами, которые применялись при возведении этих высотных зданий, архитекторы — удобной и продуманной планировкой жилых квартир, художники — передовым оформлением магазинных площадей, озеленители — новым способом рулонной укладки газона, в общем, кто чем. Но все вместе — Калининским проспектом. Все усилия были направлены на то, чтобы притушить недовольство общественности и всколыхнуть гордость за Советскую страну, за ударников коммунистического труда, которые всегда в первых рядах, за единственно правильный путь — путь к светлом будущему, то есть к коммунизму. И большая статья в «Известиях» также должна была этому способствовать — о том, что известный совет-

ский поэт со своей дружной семьей живет в современном доме со всеми удобствами, с мусоропроводами и скоростными лифтами, в красоте, комфорте и уюте, как все у него под рукой — и тебе гастрономы, чтобы дочкам свежую еду покупать, и рестораны, чтоб иностранных гостей водить, и самый большой книжный, чтоб радоваться своим книжкам на длинных полках, а для его супруги — целый Институт красоты, чтоб ухаживать за собой и делать модные начесы у самых опытных мастеров!

Споры и недовольство проспектом Калинина выросли не на пустом месте, в Москве постоянно шло строительство, город рос, ежегодно вылезая за пределы своих границ, и не было этому конца и края. Но одно дело стройки на месте свалок, пустырей или дремучих лесов, как в каком-нибудь Орехово-Борисово или Тропарево с Ясенево. Какие там исторические памятники, насиженные места — эти белые и зеленые пятна на карте Москвы так и просились под застройку! А для Калининского-то проспекта расчистили сам Арбат, и не просто старый Арбат, а самый что ни на есть древний. Обжитой еще с XVI века, уютный, намоленный, под самым боком у Кремля.

Именно это «под боком у Кремля» и сыграло свою злую роль — искали возможности, как поудобней и побыстрее доставлять кремлевских обитателей на правительственные дачи в Горки, Барвиху, Баковку и другие элитные подмосковные места. Ну чтоб напрямую. Чтоб не петлять. Чтоб без светофоров и узеньких арбатских улиц, а стрелой, по широкому

проспекту, любуясь на высотные дома и модные современные магазины. И возможность эту нашли — не постеснялись, долго не раздумывали, а просто взяли и пустили под нож весь древний район, уничтожив очаровательные переулочки и старые купеческие домики, да и Собачью площадку в том числе, где еще во времена Ивана Грозного стояли царские псарни, подальше от Кремля, чтобы лай не доносился до священного царского уха. Убрали все подчистую. За пару месяцев собранные со всей Москвы фырчащие машины с шар-бабами у морды разбили с десятков старинных переулков, мусор вывезли и все залили асфальтом... Но кто об этом из начальников сильно горевал? Никто. Потому как считали, что такая магистраль нужна еще и потому, что вела напрямик в будущее, в стратосферу, можно сказать! Ведь это было время, когда осваивался космос, советские люди летали туда-сюда, обживали безвоздушное пространство и в одиночку, и группами, и что там Луна — задумывались даже слетать и на Марс, посадить яблони и заставить их цвести! С урожаем было, конечно, сложнее. Вот и решили великие архитектурные умы построить такую дорогу-символ, ведущую в звездное будущее — от Кремля до самых до окраин.

Писали об этом много, повсюду, с обоснованиями, что, мол, современно, прогрессивно, в ногу со временем, рост, развитие и всякое такое. Но уж очень по живому взрезали, общественность и возмутилась. Как так вот, взять и чикнуть по живому? Да и Роберт тоже выступил со стихами, которые напечатали в газете:

Прорубают Арбат.
Напрямик.
Через уйму дворов.
Камни
смачно скрипят
на холодных зубах
скреперов.
Пробивают Арбат!
Стонут черные балки стропил.
Стену
сталью дробят,
и над городом кружится пыль.
Пыль.
Кирпичная тьма...
Свет дрожит в одиноком окне...

Как привыкли
дома
к полусну,
к тесноте,
к тишине!
Как привыкли дворы —
романтичные,
будто в кино, —
к голосам детворы,
к пенсионной игре в домино...
Здесь смеются и курят,
рождаются,
любят и пьют...
Но
на собственной шкуре
узнал я
подвальный уют!
Неглубокая
лестница

в наше жилище вела.
Романтичная плесень
над детской кроваткой
цвела...

Прогрызают Арбат!
Обращаются хижины
в прах.
Только МАЗы
храпят
и буксуют
на бывших дворах.
Оседают окалина
и вздымается к тучам опять...

Его, Арбат, действительно прогрызали, и длилось это довольно долго, общественность с годами успела немного успокоиться, хотя всхлипы по поводу уничтожения Собачьей площадки, одного из самых красивых мест купеческой Москвы, время от времени раздавались то тут, то там. Начали строить улицу в будущее в 1962-м, закончили в 1968-м. Тогда-то и сняли привычные всем, подгнившие за эти годы заборы, окружающие стройку, при которых выросло целое поколение москвичей, и глазам наконец открылся уже готовый проспект, который стоял весь новенький, с иглочки — высоченные жилые дома, огромные просторные магазины, асфальт, даже деревья — все было свежим и «еще ни разу не надеванным».

Сама Пава в центре, а тем более на Арбатах этих никогда в жизни не жила, переехав давным-давно

из Внуково на проспект Вернадского, и считала этот переезд огромным жизненным достижением, все равно что в тот же самый космос для нее слетать. Но за новостями и слухами по поводу строительства этого модного проспекта исправно следила и в обсуждении новой квартиры Крещенских, конечно же, активно участвовала.

Семье поэта выдали квартиру в одном из новых небоскребов на Калининском проспекте. Это был, в общем-то, обычный высотный дом, один из пяти жилых, но все равно его очень приятно оказалось называть небоскребом, прямо как в Америке. Вы где живете? В небоскребе на Калининском, там, где кафе «Ивушка». Хотя, конечно, странно было сначала там обитать. Очень уж эти высотки выделялись своей чужеродностью на фоне приземистых домов и домишек с историей, которые стояли вокруг. Не случайно этот проспект прозвали «вставной челюстью» Москвы. Выглядел он слишком уж современно даже для столицы, весь из себя необычный, совсем не по-московски устремленный вверх, с жилыми высотками с одной его стороны и с домами в виде раскрытых книжек, в которых расположились всяческие конторы, — с другой. В городе, наверное, не было ни одного похожего проспекта, особенно по насыщенности магазинами — на любой вкус. Можно было вообще никуда за покупками не ездить, наоборот, вся Москва приезжала сюда, на Калининский. Район по всем статьям был что надо, хотя квартирka большими удобствами не отличалась. Она, собственно, состояла

из двух двухкомнатных квартир, соединенных между собой. То есть сколько в ней было комнат? Правильно, пять! Вы про одну кухню-то забыли! Там Алена и сделала себе с Робертом спальню, обив ее с ног до головы светло-сиреневым ситчиком в мелкий цветочек. Да и потолок тоже. И дверь. Кроме пола, конечно, на полу ковер в тон. Входишь, как в мягкую шкатулочку, и сразу тянет спать. И неважно, что сверху раздаются кухонные звуки и бряцание посуды, а по трубам журчит вода, спальню это особо не мешало. Даже наоборот, удобно, вода ведь убаюкивает. Да, и еще ко всему прочему в квартире было два санузла, вообще большая редкость! Ну и огромные окна, из которых всегда ужасно дуло или же они добела раскаляли квартиру. В зависимости от сезона.

Комнатки были маленькими, но ничего, не बारे, зато каждому члену семьи досталось наконец-то по своей отдельной. Расположение их напоминало купе в поезде — длинный-длинный коридор и личное жилье в десять-пятнадцать-восемнадцать квадратных метров по одну сторону от него. Только потолки ниже, чем в поезде. Но все равно все были счастливы! Особенно Лидка. Она обладала уникальной способностью радоваться всему, что ее окружало, и заражала этой радостью других. И у нее наконец была своя большая комната, отделенная от коридора шкафом из модного ДСП. Комната, которую ни с кем не приходится делить, разве что только с гостями — столы накрывали именно у нее, но и этим она очень гордилась. Всем — и ее размерами, и огромным окном, и первыми в ее жизни

объемными встроенными шкафами с антресолями, полочками, вешалками и ящичками, куда теперь могло влезть не только свое, но при желании и соседское барахло тоже. Кухонька, конечно, была совсем крохотная, метров семь, не больше, но хоть на метр крупнее той, что осталась на Кутузовском.